

Алексей Полубота

ВЕЧНОСТЬ

Стихотворение

Алексей Викторович Полубота

Вечность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39416450

Вечность. Стихотворения: ИПО «У Никитских ворот»; Москва; 2018

ISBN 978-5-00095-632-8

Аннотация

Алексей Полубота – поэт, прозаик, публицист. Секретарь Союза писателей России, лауреат литературно-художественной премии имени Дмитрия Кедрина «Зодчий» (2017), победитель всероссийских и международных литературных конкурсов. Стихи Алексея Полуботы подкупают ценителей поэзии простой выразительной образностью, проникновением в тайны природы и человеческой души. В них, по выражению поэта Геннадия Иванова, читатель находит ощущение вечности.

Содержание

Несколько слов о поэте и гражданине	6
Проникновенное откровение	12
Вечность	15
«Соловки. Солёный шелест моря...»	15
«Соловки, Соловки, дали, дымно легки...»	16
Вечность	17
«На этом солнечном, сосновом, на каменистом берегу...»	18
«Море, суровое море!..»	19
«Море Белое вздыхает...»	20
Варзуга	21
Таинство	22
Кузнечики	23
«О, зелень лета!..»	25
«Мне снится край болотных слёз...»	26
«Я любил тебя, как солнце...»	27
Родителям	28
«Он заплакал опять...»	29
«Мне страшно оставаться одному...»	31
Серые сны	32
Сфинкс	33
Всходы	34
Сегодня я увидел...	36

«Там, где горы-великаны...»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алексей Полубота

Вечность

Стихотворения

*** * ***

© Полубота А. В., 2018

© Оформление ИПО «У Никитских ворот», 2018

Несколько слов о поэте и гражданине

Всё-таки северные люди для меня особенные. А поэты – особенные вдвойне. «Потому что я с севера, что ли...» Да, именно потому, что я долго жил на мурманском Севере, меня волнуют эти слова: Хибины, Мурманск, Заполярье, Соловки, брусника, морошка, белые ночи...

Нигде я так не ощущаю вечность, как на севере. И у Алексея Полуботы это ощущение вечности я нахожу. Понимаю всем сердцем такие его строки:

А может, я останусь навсегда
Солёным камнем; слушать песни моря.
И будет мне студёная вода
Подругой верной в радости и в горе.

Такие вот его стихи всей душой разделяю:
Солнце моё незакатное,
Чайки встревоженный крик.
Речка звенит перекатная,

Жизнь моя – вечность и миг.
Светятся кочки морошкойю.
Лето вступило в зенит.

Счастье моё заполошное
Прямо в глаза мне глядит.

В этой книге и в самой судьбе Алексея видна такая доминанта: Север – Москва – Донбасс. Да, Север – это детство, юность, очарование миром. Потом идёт Москва, где уже более глубокое постижение противоречий жизни. И наконец – война, на которую Алексей часто ездит, и в окопах бывает, и гуманитарную помощь возит, и жизнь постигает с её трагической стороны.

На жгучих полях Новороссии
Сошлись они в смертном бою.
Умылись кровавыми росами
За веру и правду свою.

Один – славянин ополеченный.
Другой – воин светлой Руси.
В крайне, усобьем охваченной,
Пощады теперь не проси.

И вот, чёрной пулей прострелены,
Обнялись, как братья, они.
Как бесы над ними – пропеллеры
Рокочут и мечут огни.

В целом Алексей жизнестойкий человек, но порой у него появляются горькие стихи. Он вопрошает Небо: почему так

устроено? И через какое-то время сам же находит ответ, что надо жить, надо делать то, что тебе поручено, надо верить и преодолевать тоску.

Кимры

Отцу Андрею (Лазареву)

Автобус едет ниоткуда,
автобус едет в никуда.
Здесь вряд ли кто-то верит в чудо,
и чья-то светится звезда.

Я выхожу на остановке,
где с глазом выбитым фонарь,
и просит «на пузырь» неловко
какой-то спившийся бунтарь.

Промозглый сумрак накрывает
приволжский бедный городок.
А в церкви свечи возжигают,
читают: «Да воскреснет Бог...»

Не могу не сказать об особой любви Алексея Полуботы к поэзии Николая Тряпкина. Никто в наши дни столько не делает для памяти этого, несомненно, классика русской поэзии, которого после его смерти стали забывать, как Полу-

бота и его друзья-поэты. Они инициировали создание Комиссии по сохранению творческого наследия Тряпкина при Союзе писателей России, ездят на родину Николая Ивановича в Тверскую область, поставили на месте не существующей ныне родной деревни поэта памятный крест и знак, проводят всероссийские фестивали, конкурсы, вечера памяти в Москве, Лотошине, Реутове, Старице и во многих других местах. Много всего делают. Опять же, благодаря Алексею и его товарищам были собраны народные деньги на памятник на могиле Николая Ивановича. И теперь к столетнему юбилею место упокоения поэта приобрело божеский вид.

Я думаю, что эта любовь к Тряпкину у Алексея не случайна. Он нашёл в его стихах опору своим мыслям и настроениям. Тряпкин помогает ему жить в этом мире, укрепляет его веру в настоящее искусство. Такой компас и нравственный и эстетический.

Не могу не привести здесь замечательное стихотворение Алексея о Тряпкине и его родине:

Саблино

И хлеба колосились буквально у самой избы...

Н. И. Тряпкин

В этом поле жухлые колосья
Смертному о смертном говорят.

Только ветер шепчет в безголосьи,
Облака скрывают солнца взгляд.

Русь моя! Вселенское терпенье,
Сколько ран на сердце – не сочтёшь...
Столько лет зияет запустенье
Там, где раньше колосилась рожь.

Где глядел влюблёнными глазами
На луга, задворки и стога
Светлый отрок, что прозрел стихами
В страшный час нашествия врага.

Дорогой наш, Николай Иванович!
Помолчим у твоего Креста.
Наша жизнь – промозглые туманы.
Наша жизнь – о солнышке мечта.

Верю я – ещё заколосится
Это поле хлебной теплотой.
И взовьётся жаворонок-птица
Над воскресшей нашей стороной!

Одним словом, северный мальчик, очарованный красотой мира в детстве, прошёл уже определённый путь в жизни и подводит некоторые промежуточные итоги в этой книге. И мы видим, что это уже зрелый поэт, зрелый гражданин. В лучших стихах Алексея есть и поэтическая правда о стране

и мире, и неизбывная вера в добро и свет.

30 марта 2018 года

Геннадий Иванов,

поэт, первый секретарь *правления Союза писателей Рос-
сии*

Проникновенное откровение

С первых стихотворений, которые я прочитал у Алексея Полуботы, у меня сложилось определённое впечатление о его мировидении. В его поэзии присутствует то, что я бы назвал проникновенным откровением. Поэт всегда как бы советуется с природой, о чём бы он ни писал – о своих чувствах, о событиях нашей жизни и истории. Он всё время находится под воздействием природы, не слыша этого, не отдавая себе отчёт. Поэтический мир, который он несёт в себе, и мир окружающий, где автор получает впечатления, – едины. Он не делит их.

Такой поэт, как пчеловод, – в трудах своих не замечает, что живёт среди прекрасной природы. Она для него естественная и единственно возможная среда для жизни.

Полубота с этим чувством природы родился и вырос. Это самое главное для поэта. Припрягать себя к этому – дело безнадёжное.

Стихотворение «Вечность», давшее название сборнику, одно из лучших и характерных для поэта. В нём он говорит от имени своей души, но мы это видим шире. Мы слышим голос великого пространства. Это так и положено! Когда Есенин пишет «Если кликнет рать святая...», он восклицает от себя, но выражает общее чувство. И в этом – сила поэта.

В стихотворениях Алексея Полуботы ощущается родная поэтическая дорога. По ней шли Пушкин, Тютчев, Некрасов, Кольцов, Есенин. Над ней журавли кричали и грозы гремели! Без этой дороги нечего в русской поэзии делать вообще.

У поэта есть хорошая черта – доверие своему таланту. Он не стремится изо всех сил проявить порывистые чувства в стихах, но встречает голос природы распахнуто и благородно. Мудрость и доброта родной земли живут в его слове, интонации, и потому стихи его ритмически довольно разнообразны. Чувствуется влияние русской народной песни, поговорки, сказки. В поэзии его много взято от русского характера. И слава Богу, что бережное отношение к культуре наших предков живёт в его сердце.

В книге есть короткое, очень красивое стихотворение «Родниковая страна звонных колоколен...» из цикла «Суздальские родники». В нём не только красота, но и золотая капля истинной веры в Бога. Веры, в которой нет фанатизма, религиозной ослеплённости. Что очень верно! Богу фанатики не нужны, а тем более – в поэзии.

Близка мне гражданская позиция Алексея Полуботы, которую он открыто предъявляет миру. Отрадно видеть в его творчестве заботы государственного уровня и чувства действительно сыновний по отношению к нашему Отечеству. Много я знал литераторов, которые пытались вилять, приспособливаться к меняющейся политической обстановке. Ни

из кого из них ничего стоящего не получилось.

Считаю, что Алексей будет развиваться. Надеюсь, что жизнь даст ему возможность вставать в полный рост и говорить в полный голос.

Валентин Сорокин,

поэт,

лауреат Государственной премии

России им. А. М. Горького

Вечность

«Соловки. Солёный шелест моря...»

Соловки. Солёный шелест моря.
Строгое мерцанье тишины.
Зная, что страстей не переспорить,
Чтят обет молчанья валуны.

Утихает в сердце ветер хлёсткий.
За дерзанья, Господи, прости.
Низкие согбенные берёзки
Словно сестры на моём пути.

В облаках сверкнув пером огнистым,
Время замирает у черты...
Проступают в мареве волнистом
В вечность устремлённые кресты.

«Соловки, Соловки, дали, дымно легки...»

Соловки, Соловки,
Дали, дымно легки,
Оведают уставшую душу.
Соловки, Соловки,
Нет ни зла, ни тоски,
Если долго безмолвие слушать.

Как валун-полубог,
Что себя превозмог,
Став навек христианской святыней,
Так и вы, Соловки,
Невесомо чутки,
Над вселенской парите пустыней.

Вечность

А может, я останусь навсегда
Солёным камнем; слушать песни моря.
И будет мне студёная вода
Подругой верной в радости и в горе.

И в оный день на мой замшелый бок
Присядет девушка с тоскою безголосой.
И будет, улыбаясь, гладить Бог
Прядь непокорную волос её белёсых.

И будут сосны весело звенеть,
В свои объятья принимая ветер,
И будет капелька брусники алой зреть,
Единственная для меня на свете.

«На этом солнечном, сосновом, на каменистом берегу...»

На этом солнечном, сосновом,
На каменистом берегу
Брусникой зреющее Слово
В душе до срока берегу.

Вот рыжехвостым счастьем белка
Сверкает в воздухе – лови!
И компас безмятежной стрелкой
Зовёт к несбыточной любви.

Вздыхая, волны наплывают
На плечи тёплые земли,
И чайки, как печали, тают
В туманно-голубой дали.

«Море, суровое море!...»

Море, суровое море!
Крохотный островок.
С ветром безжалостным споря,
В скалы вцепился цветок.

Тоненький, голубоглазый,
Слушает грозный прибой...
Гордый смиряется разум
Рядом с такою судьбой.

«Море Белое вздыхает...»

Море Белое вздыхает.
А о чём – пойдёшь пойми.
Чайка в звонкой дымке тает.
Дразнит, чёрт её возьми!

Безо всякой там утайки
Я могу, друзья, сказать,
Что хотел бы, как и чайка,
Зыбкой точкой исчезать.

Я хотел бы (прочь улыбки!)
Лёгким и крылатым быть,
Чтоб серебряную рыбку
Цепким клювом подхватить.

Чтоб, вдыхая моря свежесть,
Ощутить в груди простор,
Чтоб почувствовать, как режет
Даль морскую острый взор.

Как и море, я вздыхаю,
Вот пойдёшь меня пойми:
Я, вздыхая, отдыхаю,
И неплохо, чёрт возьми!

Варзуга

Речка сёмгой серебристою
На порогах звонких плещется,
Где взмахнёт хвостом, там тысячи
Золотых сверкают брызг.
То ревёт, как будто сердится,
На камнях вскипая пеною,
А то вдруг воронкой солнечной
Улыбнётся берегам.

Лес над речкой неуёмною
Ни одной не вздрогнет веткою,
Паутиной шелковистою
Ловит позднее тепло.
На припёке разомлевшие,
Мхи брусникой алой светятся,
Слышат ели-чародейницы
Близкой осени шаги.

Таинство

Руслану Кошкину

Светает. Таинство рыбалки
Я совершаю в оный час.
Полжизни, кажется, не жалко
За мой речной иконостас.

В реке мерцающие ивы —
Как лики явленных святых.
И я внимаю над обрывом
Пророчествам мужей седых.

На солнце вспыхнули верхушки,
Как свечи восковых дерев.
Проснувшись, робкая пичужка
Творит молитву нараспев.

И вот смотрю, тая дыханье,
Как тихо дрогнул поплавок.
Быть может, тайну мирозданья
В сей миг мне приоткроет Бог.

Кузнечики

Земля извечно молода...
Н. Тряпкин

Кузнечики, кузнечики
распрыгались в траве.
Весёлые кузнечики,
как мысли в голове.

А я ловлю кузнечиков,
чтоб раз – и в коробок.
«Допрыгались, беспечные!
Вот я вас – на крючок!»

Поймаю на кузнечика
красавца голавля.
И вспыхнет краской вечною
стыдливая земля.

Сложу в суму заплечную
свой гаснущий улов
и песню про кузнечиков
сложу из бойких слов.

Кузнечики, кузнечики,
умолк весёлый звон.

А воды быстротечные
глубокий видят сон.

«О, зелень лета!..»

О, зелень лета!
О, синь озёр!
О, друг поэта,
ручной костёр!

Он лижет ветви,
как руки пёс,
а рядом светлый
мерцает плёс.

О, плеск форелий,
гуд комаров!
О, лапы елей, —
гамак ветров!

О, край, где небыль
звонит в тиши!
Где смотрит небо
в глаза души.

«Мне снится край болотных слёз...»

Мне снится край болотных слёз
И чахлых низеньких берёз.

Там бесприютный ветра вой
Над одинокою сосной.

Там неумолчные ручьи
О камни бьют тела свои.

Там к спинам грозных валунов
Прижалась беззащитность мхов.

Там редко птица пролетит,
Тот край пустынен и сердит.

Там редко утренней порой
Рассвет ласкается с землёй.

1995 г.

«Я любил тебя, как солнце...»

Я любил тебя, как солнце
над вершиной снежной сопки.
Мне тогда казалось: вовсе
отступил полярный мрак.

Я любил тебя, как небо
безответно-голубое.
Даже если громко крикнуть,
в тишине потонет крик.

Я любил тебя, как рощу
вьюгой скрученных берёзок,
в их стволах заиндевелых
обещание весны.

Я любил тебя, но знаешь,
может, лучше, что осталась
ты холодным ярким солнцем
над заснеженной судьбой.

Родителям

На ослепительном снегу
Ни пятнышка, ни тени.
Спят облака, как на бегу
Застывшие олени.

Знакомый с детства снежный край!
Край замерших просторов,
Где в тишине собачий лай
Мерещится озёрам.

Где редкий куст увяз в снегу,
Валун – старик угрюмый,
При ярком солнце и в пургу
Свои лелеет думы.

«Он заплакал опять...»

Он заплакал опять
Над гранёным стаканом.
«Я умею летать!» —
Крик в отчаянии пьяном.

Было в кухне темно,
Надрывалась гитара,
Ухмылялся в окно
Жёлтый лунный огарок.

«Я умею летать!» —
Он кричал и грозился.
«Я умею летать!»
Не гляди, что напился».

Матерился и вновь
Он стонал над стаканом...
Уж мутилось окно
Предрассветным туманом.

А хозяин молчал,
И, скрывая неловкость,
Всё помешивал чай,
Что казалось издёвкой.

«Что молчишь?! Отвечай!» —
Проревел и смутился,
И погас, как свеча:
«Извини, я напился».

В предрассветную хмарь
Окунулся, шатаясь.
Наклонялись дома,
На шаги отзываясь.

1994 г.

«Мне страшно оставаться одному...»

Мне страшно оставаться одному —
Опять ходить по каменному дому.
Давай поговорим про свет и тьму
Или пойдём к кому-нибудь другому.

Давай, давай заварим крепкий чай
И в сотый раз послушаем кассету,
Там, где поют про дождь и про печаль,
Иль лучше ту, где девочки и лето.

Послушай, разве можно так спешить!
С тобой друг друга нет у нас важнее!
Давай, давай споём мы от души,
И, может быть, она похорошеет.

Один. Опять от стенки до стены
Считаю вечность нервными шагами,
И тусклый блеск разорванной струны
Встаёт перед уставшими глазами.

1993 г.

Серые сны

Серые комнаты душат меня,
Здесь электричество вместо огня,
Здесь равнодушие каменных стен
К трепету вен.

Серые плиты панельных домов,
Серые запахи серых ветров,
И в небе полночном вместо луны
Серые сны.

Где же ты, где ты, старушка луна?!
Серая съела тебя пелена?!
Хищный туман выползает из губ
Пепельных труб.

Что же мне делать, о чём же мне петь?!
Я не хочу в этом всём умереть!
Снова над городом ночь, и луна
Еле видна.

Сфинкс

Неразгаданный сфинкс! над забвеньем столетий
Будет холодно твёрд твой невидящий взгляд.
И в пустыне умрёт обжигающий ветер,
И далёкое солнце устанет сиять,
Лишь один ты послужишь примером твердыне...

Но, расплатой за вызов всеильным векам,
Словно выводок змей, расползутся морщины
По тяжёлому лбу и уставшим щекам.

1994 г.

Всходы

Мне по душе сейчас всё больше входы,
А выход, есть ли, нет, – найду потом.
Так по весне взрывают землю всходы,
Разбуженные солнечным дождём.

Им надо неба, голубого неба,
Заместо влажных, вязких пор земли,
Они не знают, что зовутся хлебом,
И что в июле вся земля в пыли.

Они не верят, что плоды созреют
И что потянут тяжестью к земле.
Весь мир для них и облака белеют,
Как будто паруса на корабле.

Прекрасный мир, прекрасные стремленья,
А где-то снова точат старый серп,
Который видел столько поколений,
Который уничтожил столько вер!

И всё же неба, голубого неба,
И что с того, что в мире есть серпы?!
Чем становится перезрелым хлебом
Уж лучше пасть под лезвием судьбы.

1995 z.

Сегодня я увидел...

Сегодня я увидел солнце,
Снимая со стены гитару.
Сегодня я увидел солнце —
Оранжевый морозный парус!

Сегодня я увидел небо,
А может, это было море,
В котором было много снега,
Дымящегося на просторе.

И ещё я увидел город,
Его стены, как снежные скалы.
Этот город пел и был молод,
И солнце ему подпевало.

1996 г.

«Там, где горы-великаны...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.